

УДК 378:159.9:821.161.1-31Мереж. ЧЕРНЯКОВА Олеся Владимировна,

кандидат психологических наук,
доцент кафедры общей психологии
e-mail: kpn2010z@mail.ru

ВОЛОДЧЕНКО Лада Владимировна,

соискатель степени высшего образования,
магистр филологического факультета,
ГВУЗ «Донбасский государственный педагогический
университет»

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ВОПЛОЩЕНИЯ ДОБРА И ЗЛА В ТРИЛОГИИ Д. С. МЕРЕЖКОВСКОГО «ХРИСТОС И АНТИХРИСТ»

В статье рассматриваются психологические вопросы воплощения двух противоборствующих начал в человеческой личности на основе анализа образной системы трилогии Д.С. Мережковского «Христос и Антихрист». Раскрываются особенности понимания автором понятия «сверхчеловек» как единство противоположностей в человеческом сознании, а также символика писателя с точки зрения психологических архетипов Карла Юнга.

Ключевые слова: Христос, Антихрист, трилогия, архетип, сверхчеловек, выбор, трагедия, символ, идея, искусство, добро, зло, философия, человек.

Постановка проблемы в общем виде и её связь с важными и научными или практическими заданиями. Проблема синтеза добра и зла ставилась в любое время развития литературы, поскольку психологические особенности персонажей являлись в большинстве случаев определяющими в структуре их поведения. Д. С. Мережковский помимо вопросов культуры и искусства анализирует человеческое сознание как вечную борьбу двух начал в контексте противостояния христианской религии и языческих верований. В первую очередь это необходимо потому, что идея существования «сверхчеловека», по мысли автора трилогии, является основой развития мировой культуры и науки в целом.

Проблемой воплощения и синтеза добра и зла в сознании человека раскрыто в работах Э. Фромма, Ж. Пиаже, Л. Кольберга, К. Гиллиган, Э. Торндайка, З. Фрейда, К. Юнга, Ф. Ницше, К. Ясперса, М. Шелера, В. Соловьева.

Формулировка целей статьи. Цель статьи – раскрыть принципы воплощения «Христа» и «Антихриста» в человеке с психологической точки зрения, а также проанализировать влияние на собственное поведение и развитие общества в целом.

Изложение основного материала исследования. Двойственность духовности, взаимосвязанность Добра и Зла создают еще один парадокс духовной жизни. Он заключается в том, что «через грех легче сотрясается душа в раскаянии, легче ищет у Бога прощения и тем соединяется с ним, чем через добродетель». Основным источником развития человека как субъекта является многомерный мир, находящийся вне его, и свой внутренний мир. Основным развивающим эффектом для него как субъекта становятся акты постоянного взаимодействия с миром и с самим собой. Взаимодействие отдельного человека носит постоянно двойственный характер.

Добро и Зло, включенные в число личностных ценностей, являются сильнейшими детерминантами развития человека и его поведения. Специальных же исследований в этой области не так много. Скорее всего, это обусловлено нежеланием включаться в обсуждение вопроса, слишком спорного в свете как индивидуальных представлений, так и официальных идеологических установок, объективной сложностью и неоднозначностью проблемы, априори не имеющей окончательного решения, и отсутствием методов диагностико-экспериментального исследования в данной области. Среди существующих исследований преобладают теоретические, в эмпирических исследованиях, в силу специфики предмета, в большинстве случаев рассматриваются лишь отдельные стороны Добра и Зла.

Среди исследований необходимо отметить важнейшие для психологической науки представлений о человеке работы Э. Фромма, Ж. Пиаже, Л. Кольберга, К. Гиллиган, Э. Торндайка, З. Фрейда, К. Юнга, К. Хорни, В. Франкла, А. Маслоу, К. Роджерса, Г. Олпорта.

«Нравственный релятивизм» Юнга – признание им, что «добро и зло суть одно» – в душе человеческой усугубляет состояние “нравственного хаоса”, которое является одним из главных источников психических заболеваний. Зло, в святоотеческом понимании, недуг души, разрушающий восприятие истины.

В то же время Юнг считал, что если вечные проблемы преодоления страха или избавления от совести, долга, принуждения и подсознательных желаний мы не в состоянии решить, «опираясь на нечто светлое и идеальное, то, может быть, следует обратиться к силам темным, биологическим» [4, с. 191]. Чем полнее осознаете тень, тем гармоничнее становится личность, ее отношения с окружающей средой, считал Юнг. Архетип самости – бог в человеке, по мнению Юнга, соединяет в себе противоположности добра и зла, света и тьмы.

Центральными понятиями этической психологии являются совесть и вера. По Э. Фромму, они по-разному интерпретируются людьми с авторитарной и гуманистической этикой. Идея сверхчеловека занимает значимое место в философском дискурсе России конца XIX начала XX века. В статье рассматривается модель интерпретации этой идеи в философии В.С. Соловьева, ставшая магистральной для всей последующей традиции философского говорения о феномене сверхчеловека.

Все без исключения отечественные мыслители этого периода, размышлявшие о феномене сверхчеловека, неизбежно отправной точкой своих рассуждений имели философию Ф. Ницше. Ключевыми понятиями ницшеанской морали являются: сила, воля к власти,

полнота способностей, постоянное развитие. Хорошо у него все, что происходит из силы, дурно – все то, что из слабости. Антихрист – вот кем видит автор своего сверхчеловека. Известно, что некоторые черты философ взял у таких личностей, как Наполеон и Чезаре Борджиа. Но сверхчеловек не проявится сам по себе. Его появлению должен предшествовать продолжительный период подготовки – сюда входит переоценка ценностей, и, как следствие, развитие новых представлений о морали. Каков Христос в глазах Ницше? Это некто, стоящий по ту сторону всякой религии, всех понятий культа, всякой истории, естествознания, мирового опыта, познания, политики, психологии, вне всяких книг, вне искусства. Христос у Ницше – идиот в понимании Достоевского – игнорирует все то, что понимается под жизнью. Все составные элементы жизни понимаются им как символы, как материал для его притч о жизни совсем другой, считающейся за реальную, которую символически можно назвать внутренней и вне которой и нет ничего, включая смерть. Нет греха, нет вины, нет наказания. Грех, все, чем определяется расстояние между Богом и человеком, уничтожен. Бог, Сын Человеческий, Царство Небесное становятся символами состояний, приравняваемых к блаженству, ставшему единственной реальностью.

Карл Ясперс в ницшеанской критике морали христианства видел «недоразумение», причина которого в непроведенном разделении между истинными моральными стимулами данной религии и моралью ему современного мира. Если для Ницше человек является одновременно червем и венцом творения, в который вплетена потенциальная энергия возвышения над самим собой и брэнностью своего бытия, то, по Ясперсу, человек может возвыситься только в соответствии с единым – Богом, Абсолютом, что исключает ницшеанскую свободу к творчеству. Ясперс отбрасывает и все презрительные христианские характеристики человека – «неопределившегося животного». Макс Шелер, подобно Ясперсу, переработал и совместил идейные базисы Ницше и Христа (христианства). Среди множества авторов, обращавшихся к рассмотрению идеи сверхчеловека, особняком стоит В.С. Соловьев, который фактически задает рамки всего отечественного религиозно-философского дискурса о данной идеи. Итак, в концепте «антихрист» Соловьев сосредотачивает негативное видение сверхчеловека. Фактически антихрист, по Соловьеву, – это «совершенный человек», существующий как атомарно-эгоистическая антропологическая единица, оторванная от Бога, исключающая из своего существования.

Положительную идею сверхчеловека Соловьев раскрывает в концептах «богочеловек» и «богочеловечество». Их семантика инкорпорирована в систему его философии положительного Всеединства. «Богочеловек» – это образ совершенного человека, «софийного всечеловека». В данном случае София является неким идеальным, совершенным человечеством, сосредоточенным в обоженном человеческом существе. И именно оно является соловьевским бого(сверх)человечеством [2, с. 73]. «Каждое человеческое существо существенно и действительно коренится и участвует в универсальном или абсолютном человеке. Все человеческие элементы образуют такой же цельный, вместе универсальный и индивидуальный организм – организм всечеловеческий, то есть Софию, каждый из этих элементов которого – вечная необходимая составная часть вечного богочеловечества» [4, с.126–127]. В этом смысле сверхчеловек для русского философа возможен только как часть всеобщего богочеловечества. При этом Соловьев совмещает единство множественности в Софии с личной индивидуальностью отдельного субъекта. «Когда мы говорим о вечности человечества, то разумеем вечность каждой отдельной особи, составляющей человечество. Без этой вечности само человечество было бы призрочно». Ю.Б. Мелих справедливо отмечает, что, «идея сверхчеловека принимается В. Соловьевым только в контексте личности Христа» и «в контексте проблем бессмертия, жертвы и любви».

По-своему интерпретировал проблему сверхчеловека в своем творчестве Дмитрий Сергеевич Мережковский. Он утверждал, что: «...три главных элемента нового искусства – мистическое содержание, символы и расширение художественной впечатлительности» [8, с. 256]. Индивидуальное, личное переживание, по мнению Мережковского, только тогда ценно, когда оно дополнено не просто привычкой или самой острой плотской страстью, а чувством единения двоих в любви – настоящей, подлинной любви. Но и это еще не все. За тайной любви человеку должна открыться тайна новой общности людей, объединенных какими-то общими устремлениями. Естественно, легче всего такая связь могла

осуществляются в религии, где люди связаны общей верой (ведь и само слово «религия», «religio», в переводе с латинского означает «связь»). Поэтому Мережковский в своей поэзии стремился доказать, что вся история человечества основана на повторяющемся из века в век противоборстве Христа и Антихриста, лишь воплощающихся в исторические фигуры. Для того, чтобы спасти общество, русской интеллигенции необходимо, по его мнению, преодолеть атеизм. «Хама грядущего победит лишь Грядущий Христос».

Все это говорит о том, что Мережковский в своей поэзии отражает религиозную, мистическую позицию, выходя тем самым в иные миры и постигая там истину.

К.Г. Юнг как ученый показывает, что попытку освоения внутренних пространств души вне святоотеческого опыта Церкви, в которой этот опыт становится универсальным и объективным, можно уподобить попытке броситься с палубы корабля в бушующий океан и попытаться добраться до берега на доске. Это пример закономерного падения и саморазрушения сознания, когда человек ставит себя выше Божественного закона, вне благодати, пытается избрать некую точку в своем мировоззрении вне добра и зла, вне Христа и Его Церкви.

Религия Третьего Завета Д.С. Мережковского гелиоцентрична Семантическое пространство метатекста трилогии построено по законам мифопоэтики. В его основе лежит сакральная крестообразная модель мира Центральное место в ней занимает архетип Солнце, к которому, как мистическому центру, сводятся все мотивы религиозно-философской концепции писателя. В основе системы символов многобожия лежит архетип Мировое дерево.

Термин «архетип» предложен К.Г. Юнгом для характеристики содержания «коллективного бессознательного». В связи с этим следует говорить об изначальных идеях, мотивах, образах, которые «имеют свое происхождение в архетипе» и «которые неожиданно обнаруживаются повсюду». Структурные архетипические модели лежат в основе устной и письменной культуры от архаичной мифологии до литературы сегодняшнего дня. Наличие архетипической структуры в том или ином произведении отнюдь не очевидно даже для специалиста.

В трилогии «Христос и Антихрист» воплощается символическое представление о единстве противоположностей и об относительности всех ценностей при достижении последнего предела. Основные структурообразующие оппозиции трилогии – Христос и Антихрист, христианство и язычество, дух и плоть, Богочеловек и человекобог, Град Небесный и град земной, религия и культура, вера и знание, церковь и самодержавие, аскетизм и красота, общественность и личность – все они мыслятся автором, как полюса одной антиномии, обуславливающие друг друга. В их единении – «тайна всей будущей культуры». Нет никаких сомнений, что первоначальная христианская концепция *imago Dei*, воплощенного в Христе, означала всеобъемлющую целостность, включавшую в себя также и животную сторону человека. Тем не менее, Христу как символу недостает целостности в современном психологическом смысле, поскольку в его сферу не входит темная сторона, специально отстраняемая и выделяемая в сатанинский образ его противника. Хотя исключение силы зла было фактом, которому христианское сознание прекрасно отдавало себе отчет, потери сводились к утрате всего лишь иллюзорной тени, ибо доктрина *privatio boni* (Богословский термин: «отсутствие добра», дословно – «отъятие добра» (лат). Сложность понимания приводимых далее Юнгом цитат состоит в том, что фактически имеется в виду «уменьшение» добра, а не его полное отсутствие, хотя в православии принят перевод «отсутствие добра», который и сохранен переводчиком), впервые выдвинутая Оригеном, гласила, что зло есть простое уменьшение добра и, таким образом, не имеет субстанции. По учению Церкви, зло – не более чем «случайное отсутствие совершенства».

Этот великий символ сообщает нам, что прогрессирующее развитие и дифференциация сознания ведет ко все более угрожающему осознанию конфликта и предполагает не более и не менее чем распятие эго, его мучительно взвешенное положение между непримиримыми крайностями. Естественно, не может быть и речи о полном устранении эго, ибо тогда был бы разрушен фокус сознания, и результатом стала бы полная бессознательность. Относительное упразднение эго затрагивает лишь те высшие, экстремальные решения, с необходимостью принятия которых мы сталкиваемся в ситуациях

неразрешимых конфликтов долга. В первом романе «Смерть Богов. Юлиан Отступник» представлены два образа христианства: светлому миру «галилеянства» первых веков, отголоски которого Мережковский видит в древней иконографии и в катакомбах христианских захоронений, противопоставлена религиозная фанатичность действующей Церкви. Символическим воплощением этой антитезы являются два лика Христа, изображенные в арианской базилике: арианский облик Спасителя, – «грозный, темный, исхудалый лик в золотом сиянии и диадеме, похожей на диадему византийских императоров, почти старческий, с длинным тонким носом и строго сжатыми губами», и образ Доброго Пастыря – босоногого юноши «с лицом безбородым, смиренным и кротким, как лица бедных поселян», и с улыбкой тихого веселия на устах. Христос репрезентует архетип самости. Им представлена целостность божественного или же небесного характера, слава человека, сына Божьего, незапятнанного грехом.

Для всякого, кто положительно относится к христианству, проблема Антихриста оказывается весьма крепким орешком. Она – не что иное, как ответный удар дьявола, спровоцированный Божьим Воплощением; ибо дьявол раскрывается в полный рост в своем качестве противника Христа, а, следовательно, и Бога, лишь после возникновения христианства, тогда как еще во времена Книги Иова он был одним из сынов Божьих и фамильярничал с Яхве. С психологической точки зрения вопрос ясен, поскольку догматическая фигура Христа столь возвышенна и незапятнана, что рядом с ней все прочее темнеет. В самом деле, она наделена таким односторонним совершенством, что просто требует психического дополнения для восстановления равновесия.

Семантика образа Антихриста многозначна и основана прежде всего на противопоставлении его Христу. По мысли В. Соловьева: «...он (Антихрист) признал себя тем, чем в действительности был Христос» [3, с. 182].

На протяжении всей трилогии прослеживается основная идея Д. С. Мережковского о том, что непомерное возвышение человека и становление его на место Бога делает его Антихристом. С этой точки зрения антихристианской является языческая культура, к которой апеллирует император Юлиан, деятели Возрождения, таким представляется государство, основанное Петром I.

Именно это острое ощущение трагедии выбора между двумя правдами и делает романы Мережковского фактом литературы начала XX века.

Философско-религиозная линия романа также связана и с историко-политической линией. На тот момент, когда Юлиан стал императором, христианство уже было принято в качестве государственной религии, это обостряет и драматизирует борьбу Юлиана с христианами. Ему часто приходится идти против мнения большинства, и первое открытое противоборство происходит тогда, когда его посвящают на царство. Он срывает со знамени крест и монограмму Христа, кузнец припаивает серебряное изваяние Гелиоса, и Юлиан воздает хвалу языческому богу.

Добро и зло, будучи сосуществующими половинами морального суждения, не выводятся друг из друга, но всегда вместе присутствуют в нем. Зло, как и добро, принадлежит к категории человеческих ценностей, и мы сами выступаем создателями моральных суждений; но мы в весьма ограниченной степени выступаем создателями фактов, относительно которых выносятся наши моральные суждения.

Сакральное убийство ребенка в эпилоге произведения наименовало собой переход от одного состояния к другому, которым и было наступление новой религии. Отсюда все творчество Мережковского есть своего рода ритуал, обряд Царства Духа. С ритуалом согласуется и архетип числа. В сакральном значении числовая символика рассматривалась как божественная организующая и составляющая Космосом. Интерес представляет эпилог трилогии, который являет собой четвертый символ пространственных координат, позволяющий образовать цикличность и законченность всей трилогии как единого произведения. Образ ребенка становится вершиной символа Солнца. Этот символ – непосредственная реальность Религии Третьего Завета. Архетип «Ребёнок» перекидывает мост между современным сознанием и бессознательной целостностью человека. Отсюда становится очевидным постепенность раскрытия и оправдания религии посредством обращения к духовному прошлому, мистичность и недосказанность тем мотивам.

Вывод. В аналитической психологии и восточных медитативных практиках можно увидеть много общего: стремление вне покаяния и смирения к достижению некоего самоценного покоя, состояния самодостаточности, которое не основано на Истине, Любви, Добре [10, с. 88]. Именно языческо-окультной позиции Юнга объясняется его активное неприятие христианского мировоззрения. Подтверждается очень важное положение А.А. Ухтомского: человек может находиться на одном из двух путей: формирования доминанты на Собеседника или формирования доминанты на себя. Об этом уже на протяжении двух тысячелетий свидетельствует и Церковь: существуют два жизненных пути – на первом человек становится сосудом Духа Святого, второй делает его в конечном счете сосудом зла. Добро и зло, будучи сосуществующими половинами морального суждения, не выводятся друг из друга, но всегда вместе присутствуют в нем. Именно ощущение трагедии выбора между двумя правдами определяют развитие человека биологического существа, а трилогию Мережковского фактом литературы рубежа веков. Христос и Антихрист просматриваются в человеческом сознании посредством архетипов и символов, представленных в трилогии. Д.С. Мережковский стремился показать, что извечное противоборство добра и зла в человеке не прекращается, разум стремится их объединить и тем самым определяет развитие общества, культуры, науки. Происходит это только благодаря тому, что на протяжении времени эта борьба и синтез не останавливается, а воплощается в разных исторических личностях.

Список использованной литературы

1. Беляев Д. А. Религиозно-дуалистическая интерпретация идеи сверхчеловка в философии В.С. Соловьева: между богочеловеком и антихристом / Д.А. Беляев // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. Вып. № 20(217). – 2015. – Т. 34. – С. 5–10 // Кибер Ленинка. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/religiozno-dualisticheskaya-interpretatsiya-idei-sverhchelovka-v-filosofii-v-s-solovieva-mezhdu-bogochelovekom-i-antihristom>.
2. Дехтяренко А. В. Эсхатологические мотивы в трилогии Д.С. Мережковского «Христос и Антихрист» [Электронный ресурс] / А. В. Дехтяренко // Филолог. – режим доступа: <http://philolog.petsru.ru/filolog/konf/2008/33-dekhtyaryonok.htm>
3. Мережковский Д. С. Христос и Антихрист. Смерть Богов. Юлиан Отступник / Д.С. Мережковский – М.: Художественная литература, 1993. – 309 с.
4. Юнг К. Г. Архетип и символ. Psychologie und Alchemie / К. Г. Юнг. – 1999 // Психологическое КОЛО. – режим доступа: http://gebo-kolo.com/images/book/Carl_Gustav_Jung_Archetypes_and_symbols.pdf
5. Юнг К. Г. Воспоминания, сновидения, размышления. – М., 1998 // Русская православная ПСИХОЛОГИЯ. – Режим доступа: <http://dusha-orthodox.ru/napravleniya/medvedev-m.m.-kalashnikova-t.-ob-analiticheskoy-psihologii-karla-yunga.html>.
6. Мелих Ю. Б. Утверждение и осуждение индивидуализма у Фридриха Ницше и Владимира Соловьева / Ю. Б. Мелих // Вопросы философии. – 2002. – № 2. – С. 97–101.
7. Синеокая Ю. В. Проблема сверхчеловка у Соловьева и Ницше / Ю. В. Синеокая // Вопросы философии. – 2002. – № 2. – С. 69–80.
8. Соловьев В. С. Смысл любви: Избранные произведения. / В. С. Соловьев. – М. : Современник, 1991. – 215 с.
9. Соловьев В. С. Чтения о богочеловечестве / В. С. Соловьев // Собрание сочинений в 10 т. – СПб. : Просвещение, 1912. – Т. 3. – С. 3–187.
10. Ухтомский А. А. Интуиция совести / А. А. Ухтомский. – СПб. : Петербургский писатель, 1996. – 528 с.

References

1. Belyaev, D. A. (2015). Religious-dualistic interpretation sverhchelovka ideas in the philosophy of V. S. Solovyov: between the God-man and the antichrist. *Scientific statements Belgorod State University. Series: Philosophy. Sociology. Law, 20 (217), Vol. 34, 5–10*. Retrieved from <http://dusha-orthodox.ru/napravleniya/medvedev-m.m.-kalashnikova-t.-ob-analiticheskoy-psihologii-karla-yunga.html>. (in Russ.).
2. Dehtyarenok, A.V. (2016). *Eschatological motifs in the trilogy D.S. Merezhkovsky "Christ and Antichrist"*. Philolog.petsru.ru. Retrieved from <http://philolog.petsru.ru/filolog/konf/2008/33-dekhtyaryonok.htm>. (in Russ.).
3. Merezhkovsky, D. S. (1993). *Christ and Antichrist. Death Gods. Julian the Apostate*. Moscow: Imaginative literature. (in Russ.).
4. Jung, C. G. (1999). The archetype and symbol. *Psychologie und Alchemie*. Retrieved from http://gebo-kolo.com/images/book/Carl_Gustav_Jung_Archetypes_and_symbols.pdf. (in Russ.).
5. Jung, C. G. (1998). *Memories, Dreams, Reflections*. Moscow. Retrieved from <http://dusha-orthodox.ru/napravleniya/medvedev-m.m.-kalashnikova-t.-ob-analiticheskoy-psihologii-karla-yunga.html>. (in Russ.).
6. Melih, J. B. (2002). Approval of and condemnation of individualism from Friedrich Nietzsche and Vladimir Solovyov. *Problems of Philosophy, 2, 97–101*. (in Russ.).
7. Sineokaya, V. (2002). The problem of the superman Solovyov and Nietzsche. *Problems of Philosophy, 2, 69–80*. (in Russ.).

8. Solovyov, V. S. (1991). *The Meaning of Love*. Selected Works. Moscow: Sovremennik. (in Russ.).
9. Solovyov, V. S. (1912). Reading about God-manhood. *Collected works in 10 volumes*. St. Petersburg: Education, Vol. 3, 3–187. (in Russ.).
10. Ukhtomsky, A. A. (1996). *Intuition conscience*. St. Petersburg: Petersburg writer. (in Russ.).

Cherniakova Olesya,

Ph.D. in psychology, associate professor of department of general psychology
e-mail: kpn2010z@mail.ru

VOLODCHENKO Lada,

Applicant higher education degrees the master's degree of philological faculty
SHEE “Donbas State Pedagogical University”

PSYCHOLOGICAL ASPECT OF THE EMBODIMENT OF THE GOOD AND EVIL IN THE TRILOGY BY MEREZHKOVSKY «CHRIST AND ANTICHRIST»

Abstract. *In the article, the psychological questions of the embodiment of two contradictory beginnings in the human person on the basis of the analysis of the figurative system of the trilogy by D. S. Merezhkovsky «Christ and Antichrist» are considered. The features of understanding by the author of the concept "superman" as a unity of contrasts in human consciousness are unveiled, and also symbols of the writer from the point of view of psychological archetypes by Karl Jung are analyzed.*

The problem of synthesis of the good and the evil was put in any time of the development of literature, as the psychological characteristics of the characters were in most cases determining in the structure of their behavior. D. S. Merezhkovsky in addition to the issues of culture and art analyzes human consciousness as an eternal struggle between the two beginnings in the context of confrontation between Christianity and pagan beliefs. Primarily, this is because the idea of the existence of “superman”, according to the author of the trilogy, is the basis for the development of world culture and science in general.

Dmitro Serhiyovich Merezhkovsky in his own way interpreted the problem of superman in his creative work, he contended that, “... the three main elements of the new art are mystical content, symbols and an extension of artistic sensibility.” Individual, personal experience, according to Merezhkovsky, is only valuable when it is completed not just a habit or the sharpest carnal passion, but a sense of unity of two people in love – real, genuine love. But that's not all. Behind the mystery of love, the mystery of a new community of people united by some common aspirations should be opened to man. Of course, the easiest way for such a connection could be in religion, where people are linked by common faith (after all, the very word “religion”, “religio”, translated from Latin means “connection”). That is why Merezhkovsky in his poetry sought to prove that the entire history of mankind is based on the repeated from century to century confrontation of Christ and Antichrist, only incarnated in historical figures. To save the society, for the Russian intellectuals it is necessary, in his opinion, to overcome atheism. “Ham, coming, will be won by only coming Christ.”

All of this suggests that Merezhkovsky in his poetry reflects the religious, mystical position, thereby coming out into the other worlds and learning the truth there.

In analytical psychology and the Eastern meditation practices one can see a lot in common: the desire out of repentance and humility to achieve a certain self-valuable peace, state of self-sufficiency, which is not based on Truth, Love, Kindness. This pagan-occult position by Jung explains his active opposition to the Christian worldview. It confirms a very important position by A. A. Ukhtomsky: a person can be in one of the two ways: on the formation of a dominant to an interlocutor or the formation of the dominant to oneself. Church has already shown this for two thousand years: there are two ways of life – in the first a person becomes a vessel of the Holy Spirit, the second makes him ultimately an evil vessel. The good and the evil, being coexistent halves of moral judgment, are not derived from each other, but are always present in it together. That sense of tragedy of choosing between the two truths determines the development of the biological human being, and the trilogy by Merezhkovsky the fact of the literature of the turn of the century. Christ and Antichrist are seen in the human mind through the archetypes and symbols represented in the trilogy. D. S. Merezhkovsky tried to show that the eternal confrontation between the good and the evil in man does not cease, the mind tends to unite them and thus determines the development of society, culture and science. This happens only due to the fact that over time, this struggle and synthesis do not stop, and are embodied in different historical figures.

Keywords: *Christ, Antichrist, trilogy, archetype, superman, choice, tragedy, symbol, idea, art, good, evil, philosophy, person.*

Одержано редакцією 16.06.2016
Прийнято до публікації 19.06.2016